

В процессе поимки рыцари неизбежно сталкивались с ожесточённым сопротивлением оборотней, пытавшихся сбежать, поэтому ранения были неизбежны. Если рана была лёгкой, её можно было лечить обычными лекарствами, но если речь шла о тяжёлых ранениях, без снадобий, специально приготовленных знахарем, вылечить их было очень трудно.

В Ордене Чёрных Рыцарей тоже недавно были раненые, поэтому Лу Цзинцянь решил, что пора достать спрятанные лекарства. Учитывая нынешнюю степень благосклонности Антуана к нему, даже если передать все лекарства ему, беспокоиться не о чем.

В этот день после ужина Лу Цзинцянь сказал Антуану:

— Сегодня вечером ты можешь пойти со мной в одно место?

— Какое место? — Антуан посмотрел на Лу Цзинцяня, недоумевая, почему тому захотелось выходить ночью.

— Когда я был ещё маленьким, отец каждый год выбирал один вечер и брал меня на Часовую башню полюбоваться ночным пейзажем, — сказал Лу Цзинцянь. — Теперь его нет, ты можешь пойти со мной?

— Конечно, — Антуан ни секунды не сомневаясь, сразу согласился. — Если я свободен, я могу пойти с тобой в любое время, хоть сколько угодно раз.

— Спасибо, — улыбнулся Лу Цзинцянь.

Антуан, глядя на улыбку Лу Цзинцяня, внезапно зарёкся оберегать эту улыбку, потому что хотел, чтобы на его лице всегда было только радостное выражение и не было больше печали и горя.

Когда совсем стемнело, отряд Чёрных Рыцарей подошёл к дому Антуана, чтобы сопровождать Лу Цзинцяня на Часовую башню. Хотя оборотни в Лесии, за исключением тех, кто смешался с Белыми Рыцарями, были уже уничтожены Чёрными Рыцарями, на ночную вылазку всё равно полагалось быть осторожным.

Лу Цзинцянь сидел в карете и смотрел наружу, улицы были пустынные, в домах по сторонам в каждом окне горел свет, а иногда в окнах можно было увидеть движущиеся силуэты людей.

Когда добрались до подножия Часовой башни, люди из Ордена Чёрных Рыцарей сначала поднялись осмотреться и, убедившись, что проблем нет, Антуан только тогда открыл дверцу кареты и помог Лу Цзинцяню выйти.

Часовая башня была действительно высокой, и когда Лу Цзинцянь наконец-то взобрался на самый верх, на лбу выступил пот. Лу Цзинцянь достал платок и вытер пот со лба, а Антуан накинул на него принесённый плащ. Поскольку они стояли на высоте, а ночью ветер был довольно сильным, Антуан беспокоился, как бы Лу Цзинцянь не продул и не заболел.

Лу Цзинцянь вытер пот, дыхание выровнялось, и только тогда он посмотрел вниз за крепостную стену. Огни города то вспыхивали, то гасли, и это действительно немного напоминало звёздное небо.

Хотя Лу Цзинцянь смотрел без особых эмоций, просто считая вид нормальным. Но когда Хирен был маленьким и впервые увидел такую картину, он наверняка был очень потрясён и очень горд. Ведь в этом городе в то время, возможно, только отец брал его посмотреть на такой

ночной пейзаж.

— В детстве отец каждый год водил меня сюда один раз, и после каждого визита эта картина целый год оставалась у меня в голове очень чёткой, — Лу Цзинцянъ прищурился и внимательно посмотрел немного. — После нескольких визитов я обнаружил секрет, который знали только я и отец. Теперь поделюсь им с тобой.

Лу Цзинцянъ вытянул палец и, очерчивая в воздухе, сказал Антуану:

— Когда все огни в этом городе зажжены, в этом направлении есть форма пятиконечной звезды, ты можешь разглядеть?

Услышав, что это секрет, который знали только он и отец, а сейчас делятся с ним, Антуан совершенно не заботился о том, действительно ли это секрет, тут же посмотрел в направлении, которое указывал Лу Цзинцянъ. Он тоже, как Лу Цзинцянъ, прищурился и посмотрел немного, и правда разглядел форму пятиконечной звезды.

— Мой отец говорил мне, — сказал Лу Цзинцянъ, — что он оставит мне некоторые сокровища в пяти вершинах этой пятиконечной звезды. Если однажды с ним случится несчастье, эти сокровища станут моей самой большой опорой.

— Завтра, как рассветет, ты сможешь мне достать все те сокровища, которые оставил мне отец, — сказал Лу Цзинцянъ, поворачиваясь к Антуану.

Антуан тоже смотрел на Лу Цзинцянъ, и когда тот повернулся, их взгляды встретились. Лу Цзинцянъ замер, потому что в глазах Антуана словно была бездна вселенной, заставив его душу на мгновение вылететь, тело полностью окаменело, он не только забыл двигаться, но даже забыл дышать. Он стоял совершенно неподвижно, словно на него наложили заклятие окаменения.

Поэтому, когда Антуан опустил голову и поцеловал его, он, кроме инстинктивно расширенных глаз, вообще не мог среагировать телом. В душе он думал, что должен сопротивляться, должен оттолкнуть его, как они могут целоваться? Это могут делать только влюблённые, а он очень консервативен, не тот человек, который может просто так целоваться с кем попало. Хотя в душе он яростно сопротивлялся, тело совсем не реагировало.

Лу Цзинцянъ совсем опешил, он непонятным образом потерял кусок памяти, он не помнил, когда Антуан закончил этот поцелуй, не помнил, когда они вернулись, когда он пришёл в себя, он уже умылся и лежал в постели.

Лу Цзинцянъ резко сел с постели, сейчас у него в голове только картина, как Антуан его целует, даже если он старательно заставляет себя перестать повторять эту картину в голове, это совсем бесполезно, картинка совсем не останавливается. Он прижимал своё горячее лицо, чувствуя, что сердце учащённо бьётся, вот-вот выпрыгнет из груди.

Лу Цзинцянъ не знал, что с ним вообще происходит, не просто поцелуй ли это? Даже если им воспользовались, но мужчине поцеловали — кусок мяса не отвалится, хотя время поцелуя вроде как немного длинное, Антуан вроде как целовал очень глубоко, но к нему же нет чувств, почему он стал таким странным?!

Мучаясь и сокрушаясь довольно долго, Лу Цзинцянъ наконец медленно успокоился, он чувствовал, что слишком странный, такая реакция явно ненормальная, неужели в каком-то месте есть проблема?

Лу Цзинцянь думал долго, наконец вспомнил, что Система говорила ему, что кроме возможности смотреть на симпатию других к нему или к другим людям и различные значения атрибутов, он также может смотреть свою симпатию к другим и различные значения атрибутов. В то время он думал, что смотреть значения атрибутов способностей действительно необходимо, но смотреть свою симпатию к другим, есть ли в этом необходимость?

Но в этот момент Лу Цзинцянь также не мог сказать почему, просто чувствовал, что просмотр своей симпатии к другим пункту, раз он существует, точно есть польза. Поэтому он закрыл глаза, запустил Систему, открыл пункт своей симпатии к другим и выбрал имя Антуана.

Увидев свою симпатию к Антуану, Лу Цзинцянь не выдержал и закрыл рот рукой. Она оказалась такой же! Его симпатия к Антуану, оказывается, такая же, как симпатия Антуана к нему, абсолютно одинаковая. Лу Цзинцянь напряжённо думал о причине, ответ, который он мог придумать, заключался в том, что пока симпатия Антуана к нему растёт, его собственная симпатия к Антуану тоже будет расти вместе с ней.

Чтобы подтвердить, верна ли его догадка, Лу Цзинцянь отправил сообщение Главному Мозгу Системы, а потом лёг ждать ответа.

В чужом мире он не мог напрямую разговаривать с Системой, нужно было ждать, пока душа вернётся в изначальный мир, если хотел связаться с Главным Мозгом, можно было только полагаться на отправку информации.

Примерно через пять минут Система получила ответ от Главного Мозга, содержание ответа подтвердило, что догадка Лу Цзинцяня верна. Однако рост симпатии Лу Цзинцяня к Антуану не контролировался Системой, а был вызван взаимным притяжением их душ. Причём их чувства друг к другу были автономными и реальными, а не контролируемыми внешней силой и выдуманными.

Лу Цзинцянь думал, если говорить о том, что их чувства к друг другу возникли самостоятельно и реально существуют, а симпатия Антуана к нему уже достигла уровня возникновения любви. То есть получается, он тоже уже влюбился в Антуана?! Как это возможно?!

Поэтому после того, как его поцеловал Антуан, у него учащённое сердцебиение и не выдерживающее горячее лицо? Потому что он влюбился в Антуана?

<http://bllate.org/book/16839/1548948>